

Аркадий МАКАРОВ
ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ,
ВЕРНИТЕ ВАНЮ НАЙДЕНОВА

18+

@ЭЛИТА

Аркадий Макаров

**Господин Президент,
верните Ваню Найдёнова**

Электронное издательство "Аэлита"

2015

Макаров А.

Господин Президент, верните Ваню Найдёнова / А. Макаров —
Электронное издательство "Аэлита", 2015

В этой книге, состоящей из двух совершенно разных повестей, прослеживается одна нить, – предательство своего народа властью элитой, именующей себя спасителями и радателями своего отечества, но отечества, как и отчества, эти вершители наших судеб не имеют, так как они не помнят родства своего. Книга может показаться излишне пессимистической и судьбы людей, описанных в ней, безнадежны, но это совсем не так, если один из героев может напрямую обратиться к президенту со словами: «Господин президент...»

© Макаров А., 2015
© Электронное издательство
"Аэлита", 2015

Содержание

Господин Президент, верните Ваню Найдёнова	5
Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Аркадий Макаров Господин Президент, верните Ваню Найдёнова

Господин Президент, верните Ваню Найдёнова

Часть 1

*Бывали хуже времена,
Но не было подлей.*

Некрасов

Гвозди бы делать из этих людей...

Николай Тихонов

1

Тамбовская психиатрическая лечебница, больше известная в народе как Писарницкая, находится в живописном месте города, на улице Московская.

Писарницкой она зовётся и до сих пор, по имени Агнии Моисеевны Писарницкой, отдавшей всю жизнь этому заведению, где она работала более тридцати лет главным врачом.

Легендарная личность! Маленькая еврейская женщина, больше похожая на куличка, когда-то, говорят, комиссарила у Котовского в отряде. Теперь, работая в лечебнице, помня своё большевистское предназначение, она отказалась от зарплаты в пользу больных, и сама жила и питалась там же, скудным казённым пайком для обитателей этого дома ужасов.

Погибла, как и подобает старой большевичке, от руки классового врага. Однажды частный предприниматель слесарь-сантехник, работая по найму в больнице, поссорившись с главным врачом, пробил её горячее комиссарское сердце ржавым напильником.

Агнии Моисеевне было в то время далеко за восемьдесят.

Такие вот дела прячут старые кирпичные стены.

Когда-то это был край города, въезжая в который путник сразу попадал на московский тракт. Теперь сквозной проезд на Москву закрыли новостройки, и как таковой, в полном смысле, Московской улицы уже не существует, но по старой памяти обрывок улицы и до сих пор зовётся Московской.

Психиатрическая лечебница – одно из самых старых заведений города, и существует под своим именем уже более 200 лет. Здесь когда-то для излечения и на приварок были организованы для душевнобольных разные мастерские: сапожные, столярные, слесарные, но в основном пациенты занимались огородничеством. Товар продавался тут же в магазинах, и лечебница процветала. На излишек денег в лечебницу даже приглашали учителей по искоренению безграмотности.

Тогда дома скорби ещё не поджигали, освобождая для себя жизненное пространство. Страна, как могла, заботилась о несчастных, которые потеряли жизненный ориентир, рассыпая мыслью, как рванный мешок семечками.

Меня сюда привело не любопытство и не воспоминание старины, а странная судьба моего давнего товарища, Найдёнова Ивана Ивановича, начальника, у которого я когда-то работал электросварщиком в цехе по производству металлоконструкций.

Работали мы не за страх, а за совесть, план перевыполняли, получали премиальные, иногда сходились вместе на Октябрьские праздники, пели песни, одним словом, жили обычной жизнью, пока предатели и казнокрады не разрушили то, без чего мы жить не могли. Судьба нас развела в разные стороны.

Как сюда попал Иван Иванович, и до сих пор для меня является загадкой. Вполне разумный человек, мыслящий хоть и критически, но здраво.

Его соседка по квартире, когда я пришёл проводить старого товарища, подозрительно посмотрев на меня, сказала, что "Ваня" в больнице, болеет несчастный, хворый он...

Узнав про больницу, я прихватил с собой пару яблок и помчался проводить бывшего шефа. "Надо же, – твердил я про себя, – Иван Иванович – и в психбольнице?"

Там с начала девяностых годов санитаркой работала наша общая знакомая, Маргарита Николаевна Землянская, когда-то, до катастрофы, ведущий инженер-нормировщик нашего цеха.

Зайду, узнаю, как угораздило моего Ивана Ивановича попасть в сумасшедший дом?

Маргарита Николаевна, ничуть не смущаясь своего достаточно старого тёмно-синего рабочего халата, встретила меня, как родного:

– Э, вот и тебя седина достала, а ведь какой ухажористый был! Всех женщин в заводоуправлении обхаживал, к праздникам цветы дарил. С женой-то теперь живёшь?

– Виноват, Маргарита Николаевна, живу!

– А наш, Иван Иванович, как жена от него ушла, совсем нехороший стал. Говорил: «У меня в голове ядерный заряд разорвался. Распад мозговой материи». В какую-то секту попал, всякое старьё со свалки к себе тащил. Говорил: "Время возвращаю! Книги какие-то собирал, календари разные, будильники страсть как любил. Принесёт будильник – и хвалится. «Я, мол, Маргарита Николаевна, время вернул, советское, Чистопольский часовой завод! Мы тогда умели даже часы делать, а теперь лопаты совковые снег чистить – и те не наши». Ещё он любил подшивки старых газет. Всё листает, листает – и вздохнёт тяжело.

Новая власть за ненадобностью стала библиотеки закрывать – зачем совкам книги? Больно умными будут! В Тамбове одной из первых закрыли областную юношескую библиотеку. Неделию КамАЗами книги на свалку вывозили. Так он вместе с бомжами мешками оттуда книги к себе носил. Все углы ими завалил. Я ведь с ним в одном доме квартиру получала, рядом жили. Починит будильник и соседям отдаст: "Нате – Советское время! Не спи! Вставай, проклятьем заклеимённый!"

Весь наш дом будильниками снабдил, где он их только брал?

– Маргарита Николаевна, – спрашиваю я, – а как он сюда, в психушку, попал?

– Пойдём, покажу! – ведёт меня наш бывший инженер-нормировщик в приёмный покой. – Сам с ним поговоришь. Я его сейчас позову. Он у нас в палате за старшего, Посиди тут! – усадила меня на протёртый в нескольких местах дерматиновый диван, а сама пошла по длинному коридору в палату.

Но поговорить с Иваном мне так и не пришлось.

– Не хочет Ваня с тобой разговаривать. "Прогони его! Прогони! Его ФСБ подслало! – кричит. – Он хочет мне в уши тараканов поселить с молотками, мозговые извилины править. Выпрямитель хренов, – говорит. – Не пускай его сюда!"

Я не то, чтобы обиделся, но стало как-то жутко от этих слов. Иван и вправду – сумасшедший. Невероятно!

Видя мою растерянность, Маргарита Николаевна принесла от врача его историю болезни:

– На вот, посмотри!

Картонная мягкая папка была перевязана замусоленными тесёмками в форме бантика. Вот она, вся наша жизнь, в одну папку с кальсонными тесёмками уместилась!

Посмотрев скудные выписки, рецепты и цифры, я наткнулся на любопытную бумагу, пожелтевшую, ставшую историей.

Сверху крупным летучим почерком, вероятно, лечащего врача, написано: "СДВИГОВ НИКАКИХ", и мелкими буквами ниже: "опыт психопатического образа"

"Мною, глубоко неуважаемый господин президент, обращаюсь к вам, (обращение написано с незаглавной, со строченой буквы. Всё логично, если не уважаешь человека, то и обращение таково). Мною, глубоко неуважаемый господин президент, обращаюсь к вам, как к провозглашённом обманутом народом гаранту Конституции, защитите моё право на собственные суждения...

Время дискретно, оно делится на часы, минуты, секунды и миллисекунды, вот в чём загвоздка! Если вы и вправду учились где-нибудь, и не путаете Гоголя с Жванецким, то мои научные выкладки поймёте. Начнём с того, что договоримся о символах. Обозначим по классическому варианту время латинской буквой t , где буквой n , тоже латинской, обозначим количество миллисекунд. Теперь возьмём отрезок времени в секундах t со значком n , где n стремиться к бесконечности. От времени T_n до времени T_{n+1} есть зазор, там зависает время, ну, как зависает компьютер, наподобие того, то есть – абсолютный временной ноль! Вот в чём моё открытие! Попадая в зависшее время, объект может двигаться в противоположном направлении. Извините за пошлый вопрос: Вы когда-нибудь смотрелись в зеркало? Посмотрите, там, где правая рука у вас с часами, в зеркале будет правильное расположение часов уже на левой руке. Там нет искривления пространства-совести-времени.

Взгляните, и вам станет всё ясно!

Я могу вернуть время, где вам, очевидно, не будет места. Это вы уж извините-подвиньтесь! Там светло и окна страны никто не застит...

Чтобы мысль человека-президента беспокойно не свербела в голове, шевеля извилины, перемешивая слежавшуюся мозговую массу, эту кашу, возмнившую себя властелином Вселенной, оговорюсь заранее, об чём разговор.

Дело в том, что несколько лет назад, когда в окнах только брезжил рассвет перестройки, отстраняя средневековую тьму тоталитаризма, у меня дома начались странные явления, которые даже метафизикой не всегда объяснишь. Спецслужбы подсунили мне упакровку итальянских макарон под названием "спагетти", и я доверчиво решил их отварить, как они того стоили, а затем хорошо отобедать, потому что в наше время трудно достигнуть чувства сытости. Откинув под холодной водой сих заморских итуковин, я с возмущением, свойственным более подходящих моментов, стал поглощать содержимое кастрюльки. После двух-трёх проглоченных порций я ощутил странное чувство возни в области солнечного сплетения, где сходятся все меридианы и параллели человеческого "я". Не успев подхватить четвертую порцию, я с ужасом обнаружил, как из моих ноздрей и ушных отверстий стали выползать белые черви, которые затем, клубясь и переплетаясь, как змеи в период свадебных ритуалов, у меня на глазах распадались на пары и норовили использовать любую щель для зарубежного проникновения в наш быт, чтобы затем, оттуда, из половой щели, сообщать своим разведкам влияние перестроечного момента на русского обывателя.

Скажу более того – в банке с вареньем, приготовленным моей неверной супругой-изменщицей, я обнаружил микродозы яда, которым зарядили банки с помощью моей жены соответствующие службы. По этому поводу некоторое время назад я отнёс в опорный пункт милиции заявление, на что мне было отвечено: в наших правоохранительных органах слабая материальная база, и лаборатория не может произвести соответствующие анализы. Если бы вышестоящие органы знали о положении дел в милиции, они, наверное, выделили бы сред-

ства преимущественно в русских рублях (так как американские доллары тоже пропитаны ядом вседозволенности и злодейства) для приобретения приборов и веществ, нужных лаборатории, стране, пережившей коммунизм и напроочь разрушившей основополагающие законы Жизни. Замечая бездеятельность милиции, я обратился к председателю комиссии по правам человека при областной администрации, но он потребовал от меня после нашего разговора представить хоть какой-нибудь документ, показывающий, что я обращался в первичную инстанцию, что моё заявление рассматривалось. По странным обстоятельствам, милиция такого документа мне не написала. В феврале месяце сего года я обратился с устным заявлением в прокуратуру Октябрьского района. Там мне посоветовали посетить управление милиции Октябрьского района.

Вот моё заявление:

Мне 57 лет. Я ни в чём не виноват. Никогда не находился под наблюдением психоневрологического диспансера. Но, несмотря на это, спецслужбы по отношению ко мне осуществляют террор нескольких видов. У меня нет сил и сотрудников, чтобы разоблачить преступления их.

1. Они постоянно в моё отсутствие заходят в квартиру и добавляют микродозы ядов в продукты.

2. Постоянно с помощью технических средств записывают мои слова и слова моих собеседников, в какой бы точке города я ни находился. С помощью другого прибора фиксируют мимику и пантомимику. Откуда я знаю? С помощью третьего прибора они передают мне содержание бесед почти круглосуточно, то есть осуществляют звуковой террор. Не дают спать, прерывают сон, отдых.

3. Совсем недавно с помощью им одним известного приёма они стали группировать молекулы пламени в моей печи таким образом, что через некоторое время, как я разожгу очаг, из пламени возникает птица Феникс, она беспомощно бьётся крыльями, разбрасывая вокруг себя искры в тщетной попытке взлететь. А они, усиливая гравитационное поле у меня в подполе, не позволяют ей подняться, и она, то ли от тоски, а то ли от голода, начинает собирать клювом горячие угли и глотать их, не опасаясь изжоги, поэтому в моем очаге к утру остаётся лишь серый пепел её облетевших перьев.

4. Кроме всего прочего осуществляется психический террор. Например, я ставлю себе завтрак, а они говорят: "Соль отравлена! Сахар отравлен! Масло, хлеб прошморголены.(?) На мой вопрос: "На основании какой статьи Закона вы меня пытаете и мучаете, за какие провинности?". Они отвечают: "Мы преступники. Нас заставляют". Я спрашиваю: "Кто?". Они отвечают: "Мы!".

5. Каким-то образом они трансплантировали в мой мозг тончайшие серебряные нити, используя их как антенны. Эти нити замаскированы под мои седые волосы и теперь осуществляют преступный замысел через моё учащённое сердцебиение с помощью звуков и образов, создавая иллюзию танца "канкан" с обнажёнными девицами в одних налобных повязках.

Всё, что я говорю, а я творческая личность, они заснимают на плёнку, то есть занимаются плагиатом моих идей, замыслов и предложений – моей интеллектуальной собственности, которая открыла дискретность времени – и манипуляцией им в глобальных целях. Разрушая мой организм ядерным распадом, звуками и голографическими непристойными картинками, они грабят казну, бюджет, задерживая выплаты учителям, врачам и пенсионерам. Тем самым создают социальную напряжённость, смеются над Основным Законом государства – Конституцией, над правоохрнительными учреждениями всех ступеней в Российской Федерации. Захлопывают перед самым носом двери реформам, которые уже перезрели и загнивают на самом корню.

Теперь о себе. Я бывший инженерно-технический работник Найдёнов Иван Иванович, воспитанный Советской властью, самый законопослушный гражданин своей страны. И я, как никто другой, понимал и понимаю те политические, экономические, социальные про-

цессы, которые регрессируют в нашем Отечестве. В настоящий момент разрабатываю принципы действия интегратора времени. Если собрать критическую массу импульсов секундной стрелки будильника Чистопольского часового завода, затем корпускулярно разложить на дифференциаторе и начать считывать корпускулы с конца, то время может пятиться в обратном направлении по своей координате.

Прошу разоблачить и обезвредить преступников, окопавшихся в правительстве, а меня реабилитировать, иначе соответствующее письмо будет направлено в Организацию Объединённых Наций о нарушении нашей демократической властью прав человека, каким я и являюсь. Я – Человек-Совесть Иван Найдёнов, сын своего времени.

И ниже – жирная витиеватая подпись.

Бумага говорила о многом. Да, действительно, Ивану Ивановичу, моему другу Ване, своё умище некуда пристроить.

Вспомнилась моя с ним последняя встреча в забегаловке напротив биржи труда того времени...

2

В молодости он себя называл Ваней; когда возмужал, его стали называть уважительно Иван Иванович.

Ваня родился в рубашке. Всё-то ему везло, всё-то у него получалось...

Но, как ни раскидывай руки во все стороны – война...

Когда матери пришло время выпростать его на свет Божий, и больше тянуть было уже невмочь, на эшелон с эвакуируемым населением налетела немецкая авиация и вдребезги разбомбила состав, хотя на крыше каждого вагона был распластан красный крест милосердия.

Но какое дело немецким стервятникам до того, что в эшелоне под красным крестом родовыми схватками мучается русская женщина, готовясь родить ещё одного русского.

Ох, эти русские! Всегда всё у них не вовремя! Вот теперь и мечется в разрывах бомб и пламени непокорное племя. Надо их проучить!

И хлынули, и налетели с огненными хлыстами штурмовики, и давай охлёстывать бегущих в разные стороны людей красными бичами. Крики, стоны, вопль – кто? что? куда? Зачем?

Один огненный шнур прошёлся по бегущей неизвестно куда женщине, обеими руками поддерживающей свой тяжёлый и объёмный живот, словно там, в животе, уместился весь земной шар.

Женщина враз осела, потом запрокинув голову туда, где переплетались горячие красные шнуры, повалилась навзничь и захлебнулась кровавой пеной, ползущей и ползущей из широко раскрытого рта, а весь земной шар, который она придерживала руками, уместился в крохотном комочке, беззвучно разевающем рот в сползшей с одного плеча рубашке, мокрой и тоже кровавой.

Могучий инстинкт разбудил голод и заставил человеческого детёныша двигаться, искать тепло и материнское молоко, этот сладкий сок жизни.

Ему повезло: послед, рубашка, в которой он родился, как могла, защитила от ночного холода, сохранила то первоначальное жизненное тепло, переданное ему матерью при последнем вздохе, поэтому кто-то из похоронной команды и заметил кровавый сгусток, цепляющийся коготками за холодные груди погибшей женщины.

Завернули мальчика в солдатскую портянку и передали кому надо. А те, кому надо, назвали его русским именем Иван, с фамилией Найдёнов и отчеством тоже Иванович – русский человек – Иван сын Ивана, завели на него бумагу и увезли в тыл, где таких "Найдёновых" не сосчитать.

Вот отсюда и начинается его биография, отправная точка в жизни...

Советская власть не дала Ивану Найдёнову загнуться, погибнуть усыновлённому чуждым народом. Сталин детьми не торговал. Страна отдавала сиротам всё, чем располагала. Любое воровство, подобное сегодняшнему дню, не могло быть по определению. Своя голова дороже.

Вот и вырос Иван, возмужал, окончил школу и был вполне счастлив гулять на этом свете.

О своём происхождении он никаких вопросов не задавал, да и его ровесники тоже особо этим не маялись. Время живое, деятельное. Сундучное право ещё не определяло суть великого государства, с которым свысока никто не смел разговаривать, страна знала себе цену. Под красным стягом каждому даровано быть тем, кем он хочет.

Иван учился не то, чтобы хорошо, но знания получил такие, которые вполне позволили ему, как сироте, на льготных условиях поступить в инженерный институт и там учиться наравне со всеми. Зачёты и курсовые не покупались, деньги имели ту стоимость, которую заслуживали. Никто не заикливался на потребительстве, хотя и не были бесребрениками. Жили...

Незаметно как, институт остался позади. Доброе время! Стройотряды давали возможность посмотреть страну, её большие стройки, да и денежки зарабатывались неплохие. Приложи к стипендии – средняя зарплата инженера будет, поэтому студенческое житье теперь вспоминается с улыбкой. Погуляли, покормили девочек мороженым, и себе по рюмочке тоже не забыли...

Ваня задумываться о будущем не умел. Чего голову ломать, когда диплом инженера лежит в заводском отделе кадров? Оклад небольшой, но твёрдый, как студенческая стипендия – студентам-сиротам страна платила исправно и всегда первого числа каждого месяца.

Как молодому специалисту, Ване выделили отдельную комнату в нашем общежитии.

Не горюй, парень! Комната твоя, води девок на примерку, может, какая и в жёны как раз будет!

Работает Иван Найдёнов, спорит с нормировщиками за каждый рубль для рабочих, ругается с рабочими за выполнение плана – обычная заводская жизнь: бьём, колотим, обед торопим, едим, не давимся, никак не поправимся.

Вот написал это – и сладко шелохнулось сердце. Эх, молодость моя рабочая! Где ты? Где та девочка-выпускница, которую, как вор на стрёме, после заводской дневной смены высматривал, выглядывал возле школы, где она училась. Кунал голову в её ладони, пил из них, пробовал на вкус нежную девичью кожу, сатанел от неожиданного чувства, и жалел, и жалел... для другого человека.

Но этого знать мне было не дано. Закрутила жизнь по-своему... Перешёл, чёрной кошкой перебежал дорогу мой заводской руководитель, мастер сварочных работ Иван Найдёнов, с которым меня связывал не только план, но и товарищеские отношения. Жизнь в одном общежитии диктовала свои правила...

Потеряв голову, по волосам не плачут.

3

Я работал и учился в институте химического машиностроения. Тоже хотел стать инженером, и стал им.

На заводе металлоконструкция инженерной должности не оказалось, и мне пришлось перейти мастером производственного обучения в Строительное ПТУ. Пока платили – ходил на работу, учил недорослей кувалду с молотком в руках держать. А как подобные заведения стали не нужны, я, не думая, перешёл в трест, с громким названием «Волгостальмонтаж».

Монтажники народ хоть и летучий по профессии, где сорваться вниз с верхотуры – как два пальца об асфальт, – но ребячливый, по своим поступкам и мышлению. Хотя в некоторых моментах не так прост, в чём мне не раз пришлось убедиться.

Работа новая, но по старой моей, ещё доармейской, выучке несколько знакомая. Только, может быть, пили тогда поменьше, да работали побольше. Сталинские законы ещё безотказно действовали, хотя их основатель и был развенчан самым преданным последователем на поприще "культы личности", хотя личностью был неоднозначной. Но это – историкам...

После школы я с упорством, которое надо было бы применить в другой сфере, постигал обучение в монтажной бригаде "Ух", где каждый второй проходил воспитательные лагеря: кто по "дурочке", а кто и по идейным соображениям. Монтажное дело опасное, но не сложное – главное, чтобы привычка укоренилась. Орудовать гаечным ключом любой может, а вот головой пусть бригадир да прораб работают...

Возводили в городе анилиноокрасочный завод, объект Большой Химии. Тогда всё было большое: Большие сроки, Большие стройки, Большая целина, Большая Политика, Большие люди.

От мастера до главного инженера и директора – начальство было в почтительном уважении. Рабочие обращались на "Вы", советовались по каждому техническому и даже житейскому вопросу. Каждый свою работу старался выполнять добросовестно: забывали проклятое прошлое и надеялись на обещанное счастливое будущее.

Все верили во всё...

Наивная жизнь, наивные люди!

Сварному делу меня учил сварщик с характерной кличкой "Колыма". Он считался в бригаде монтажником высокой, самой высокой квалификации. От звонка до звонка "оттрубил" положенные 25 лет. За это время ему пришлось участвовать во всех Великих стройках страны, постигая науку выживания в экстремальных, как бы теперь сказали, условиях. Поэтому он имел неоспоримое преимущество перед остальными моими напарниками, которым не так повезло в жизни. Ну, что там какие-то пять-шесть лет по хулиганке! Разве это срок! Вот политическая статья – это да! Перед ней, статьёй этой, даже воры в законе пасовали...

Но на политика Колыма совсем не тянул. Маленький, шупловатый, он скорее походил на карманника или форточника, чем на политика.

Несмотря на столь богатую биографию, сварщик Колыма был самым тихим в бригаде. Даже тогда, когда напивался в "кодекс", как он выражался, то становился вроде малого ребёнка: беззубый рот – вставные челюсти он обычно терял тут же в траве, где пили – шамкал бессвязные, мне непонятные слова, а на глазах наворачивались светлые слёзы неизвестного происхождения.

Челюсти на другой день я ему находил, за что всегда получал благодарность и дружеское рукопожатие. Рука у него была маленькая, детская, но жёсткая, как рашпиль.

Трезвый он никогда не вспоминал подробности своей жизни, да вроде и не сетовал на неё, на жизнь свою, прошедшую по баракам и пересылкам под лай сторожевых собак и волчий волок.

В обычное время Колыма, прикрывшись сварочным щитком, молча висел где-нибудь под перекрестием стальных конструкций и крепко держал за хвост жар-птицу, которая сыпала и сыпала золотые зёрна в прозрачный воздух.

Если поднять голову туда, то можно явственно увидеть огненный хвост волшебной птицы и маленькую головку ослепительной голубизны.

Работа сварщика-высотника мне нравилась, и я с воодушевлением, присущим только молодости, постигал науку быть гегемоном своей страны. А гегемон этот, вон он, в ежовых рукавицах и брезентовой робе, отпустив звёздную жар-птицу, уже спускается с высоты, чтобы показать мне приём сварки потолочного шва на брошенном обрезке трубы.

По моему несовершеннолетию на высоту более трёх метров меня не пускали, и я тогда, страшно завидуя наставнику, клевал и клевал электродом никому не нужную трубу, чтобы на ней, на этой трубе, "набить руку".

Колыма подходил, присаживался рядом, медленно закручивал неизменную самокрутку, и на пальцах растолковывал мне, неразумному, хитрые приёмы мастерства сварщика. Иногда он брал мою руку с электродержателем и терпеливо пытался моей же рукой положить ровную строчку-ёлочку на стальном стыке.

Отношения со мной, малолеткой, у него были вполне дружеские. Но когда я, минуя бригадира, однажды полез наверх к своему учителю и, склонившись над парашютом, сплюнул вниз, то за это получил от него обидный чувствительный подзатыльник.

Он потом не раз втолковывал мне: мол, работая на высоте, никогда не плюй вниз. Это плохая примета: когда-нибудь сорвёшься...

У нас на участке стоял небольшой кузнечный горн для нестандартных поковок, и мой наставник, показав мне очередной приём сварки, доставал из-под верстака прокопчённую алюминиевую кружку, засыпал туда пачку индийского чая, заливал холодной водой и ставил на краешек горящего горна, где поменее жара, и, подрёмывая, заставлял меня следить, чтобы чефир не выплёскивался, а медленно вскипал. Когда появлялась желтовато-грязная пена, тогда моей обязанностью было на несколько секунд оторвать кружку от жарких углей, дать бурой пене успокоиться, и – снова кружка на огне, и снова я должен её убирать с огня, успокаивая варево. И так раз десять.

Когда чефир остывал, он превращался в дегтярного цвета настой, густой и крепкий, как сдобренный матом анекдотец или крутая монтажная поговорка про ту же работу.

Воровской глоток-другой чефира, пока посапывает учитель, делали меня резвым и возбудимым на всякие шалости. Постепенно и мне стала нравиться горько-вязкая смесь невозможной энергетической силы.

Всему научишься сам, чему не надо бы и учиться...

Это я понял позже, когда пришёл из Армии, и надо было определяться в собственной дальнейшей жизни.

Учёба в вечернем техническом институте прошла настолько быстро, что я и не заметил, как получил диплом инженера.

Друзья-однокурсники перетащили меня на работу в профтехучилище, где я, теперь уже сам, передавал науку монтажного дела таким же оболтусам, каким был и сам когда-то.

Но вот настали времена так называемой перестройки. Потом рухнула держава. Потом рухнули все скрепы, и мне пришлось искать другое место работы. Стоял 1991 год.

Пятнадцать лет теоретических дисциплин в стенах *школы* оторвали меня от настоящей практики, и когда я перешёл прорабом в монтажное управление, то понял, что мне надо снова учиться постигать науку общения с рабочим классом.

Главный инженер "Монтажки" – предприятия, куда я устраивался, мне был хорошо знаком, и переход на новое место оказался более простым, чем я думал. Бутылка коньяка легко закрепила мою трудовую книжку в отделе кадров управления.

– Ты с ребятами поаккуратней! Они теперь все грамотеи, не как мы с тобой в своё время. Промашку сделаешь – на шею забугрятся! У тебя на участке из тридцати монтажников двенадцать человек с высшим образованием. Почему-то все из учительского института. Педагоги! Мать их так! Лишний раз под балку плечо не подставляют: технику давай! Да и ты вот тоже из *"учителей"*. Набрался на мою голову!

На другой день, после обязательной планёрки, мой новый начальник участка, старший прораб, незабвенный Михаил Николаевич Гришанин, позже при невыясненных обстоятельствах погибший на монтажной площадке под упавшим с высоты стальным обрезком балки, повёз меня на объект, который я должен сдать генеральному подрядчику уже через неделю.

Что и как сдавать, не имея никакого опыта, я не знал, и заранее был готов на всяческие подвохи со стороны моего непосредственного начальника, знавшего, что я всего лишь "*учительствовал*" в ПТУ и практического опыта у меня нет.

– Позовёшь меня процентовку подписывать! – Гришанин так ловко сплюнул сквозь зубы, что дымящийся на земле окуроч зашипел и перестал чадить; когда я ему настойчиво напомнил, что работы на объекте не вёл, и во всех вопросах вряд ли разберусь. – Не ссы! – он присвистнул привычную расхожую фразу, приглашая меня в серебристого цвета, но уже побитую "Волгу".

"Волга" его личная, но, судя по внешнему виду, наверное, не раз употреблялась для перевозки на строящиеся объекты необходимых деталей и небольших монтажных узлов.

Мэрии ещё не было. Ещё власть в городе принадлежала горисполкому, в котором председательствовал близкий родственник Гришанина, создавший богатый кооператив "Дятел". Поэтому мой старший прораб, как знающий инженер, дополнительно возглавлял ещё и этот кооператив, значит, деньги, и немалые, у него водились.

По тому, как он лихо выворачивал баранку на поворотах и резко тормозил, было видно, что "Волгу" Гришанин не жалел.

Ехали молча, но каждый думал о своём: я – о предстоящей работе, а мой начальник, судя по характерному перегоревшему запаху – о чём угодно, но только не о работе. Я по своей наивности даже растерялся: на службе – и под мухой? Может, вчера у него день рождения был?..

Автомобиль, вспахивая брюхом жидкую грязь и строительный мусор, еле-еле выбрался на сухое место и прерывистым гудком обозначил себя на монтажной площадке. Но ни одного рабочего на сигнал начальника участка не отозвалось.

– Пойдём в бытовку! – лениво вытащив ключ зажигания, сказал Гришанин. – Они теперь водяру жрут! Чего улыбаешься? – обернулся он ко мне. – Привыкай! Это тебе не школа ПТУ! Здесь другая школа! *Школа* жизни!

Я действительно был удивлён тому, с каким спокойствием начальник участка относится к употреблению спиртных напитков монтажниками на рабочем месте.

Перепрыгивая с балки на балку, с кирпича на кирпич, обходя наплывы свежего бетона, добрались кое-как до монтажной будки. Сердито заскрипела железом дверь, в носшибануло застоявшимся прогорклым воздухом вперемешку с испарениями мокрой брезентовой спецодежды, пропитанной настоем ржавчины и машинного масла. За длинным столом, сбитым из необструганных досок, сидели, не обращая на вошедших внимание, с десятков рабочих в ожидании чего-то манящего. Лица были сосредоточены на литровой стеклянной банке с кипящей и плюющей на доски жидкостью, пенистой и ржавой.

Запах металла, мокрых спецовок, запах этой самой кипящей жидкости, пробудили во мне сладостные чувства ушедшей молодости, отвязной и лихой монтажной удали парня рабочей окраины. Вот и сам я уже среди этих людей сижу в ожидании преющего под самодельным кипятильником чефира, густого и такого терпкого, что язык вяжет узлом. Ах, молодость, молодость!

Ничего более банального и грустного не скажешь...

– Бригадир где? – не здороваясь, спрашивает провожающий.

– Где бригадир? Где? – шутовски заюлил в ногах у Гришанина маленький человечек, лысенький, со сморщенным лицом стареющего скопца.

– Чего орёшь, Жаля? – из-за железного шкафа с инструментом, там, где сушилась рабочая одежда над электрическим "козлом" увитым красным огненным шнуром, распрямылся крепкий мужик с обожжённым и обветренным лицом, какое обычно бывает у рыбаков и охотников. – А, начальство прибыло! – спокойно подошёл он к нам, протягивая руку Гришанину, потом мне. Пожатие было болезненным, словно в ладонь вцепились большие пассатижи. – А это, видать, наш прораб? – отпустив руку, показал он на меня.

– На одного рАба – два прораба! – кто-то без удовольствия произнёс за столом.

– Принимай, Поляпа, пейдагога! – коверкая слово, довольно хмыкнул провожающий, передавая меня бригадиру. – Почему не работаем? Где Чекаля? Я ему электроды привёз. Финские! – уточнил Гришанин. – Пусть кто-нибудь разгрузит багажник! – Было видно, что здесь у Михаила Николаевича сложились с монтажниками полуприятельские отношения.

– Митара, – обратился Поляпа-бригадир к одному монтажнику, который уже дул в про-смолённую в чёрных подтёках кружку, – кончай чефирить! Иди, машину разгрузи!

Позже я привык, что на участке почти у каждого монтажника была кличка, по причине краткости и шаговой доступности. "Митара" – в переводе на обыденный язык – Гитара, человек с музыкальным прошлым, бывший металлист-рокер, "Жаля" – жалкий, убогий, "Поляпа" – белорус польского происхождения, "Чекаля" – от слова "ЧК", отставной милиционер, выгнанный из органов за драку со старшим по званию. И так далее...

Да и к начальству клички прилипали одна и навсегда. Вот и Гришанина здесь называли – "Наливайко". Кличка хорошая, в самую точку. Наливай и пей! В чём я тут же убедился.

Дверь широко распахнулась, и в теплушку ввалился некто в подшлемнике и брезентовой робе. Конечно, тот самый сварщик Чекаля. ЧК. Не обращая никакого внимания на меня и начальника участка, Чекаля спокойно выпростал из карманов две бутылки водки и с таким усердием поставил их на стол, что звякнула посуда.

– Вот! На весёлое дело сходил!

Я был неприятно удивлён тем, с какой наглостью действовал Чекаля, но ещё больше удивился, когда Гришанин вместо того, чтобы остановить наглеца, спокойно сказал:

– Ты, как Макар Нагульнов в "Поднятой целине" Шолохова, только нагана не хватает.

– А у меня гранаты! – широким жестом вытащил Чекаля из-за пазухи ещё пару бутылок. – Противотанковые!

Вот уже забулькало по стаканам. Вот уже по столу прошло весёлое оживление. Вот уже два стакана в руках Поляпы протянуты нам. Один тут же оказался в моей руке.

– Новенький прораб не заложит? – указал Поляпа глазами на меня.

– А закладывать некому! – Стряхнув невидимых тараканов с руки, ловко подхватил щерблённый стакан мой начальник. – Большой бугор в яме. Он, как приватизировал нашу шарашку, так вторую неделю не просыхает – лагерная привычка! Вор в законе, это как маршал. Вот и пьёт за победу!

– За нашу победу! – Поляпа налил третий стакан.

– За нашу победу Ельцин в Кремле коньяком подмывается после встречи с Клинтоном. Тот после Моники совсем неразборчивый стал. Всех иметь хочет! – Гришанин, кинув в рот содержимое стакана, протянул его в чьи-то нетерпеливые руки.

Я от изумления так и остался стоять столбом со своим стаканом, не зная, что делать? Показать себя непьющим? Не поверят. Ещё смеяться будут. Выпить? Выпил бы, да ведь на работе я...

– Пей, прораб! С почином тебя! – Поляпа прислонил стакан к моему. – А то – не приживёшься!

Гришанин самодовольно взглянул на меня. Мол – не бойсь! Смотри, как у нас, монтажников, новеньких встречают! Пей, чего ты! Со мной можно.

Зная убойную силу рабочей коллективной насмешки, я, подражая своему начальнику, резко опрокинул в себя стакан.

Мне показалось, что весь стол облегчённо выдохнул: – Ухх... – Задвигались, заворочались, заговорили все разом, перекидываясь короткими матерками:

– Наш человек, гребит-разгребит! Монтажник! Нам, что водка, что пулемёт, лишь бы с ног сшибало!

– Васильч, – пододвинул мне самодельный железный стул Поляпа, – ты не думай, что мы здесь алкоголики. – Бригадир уже знал, как меня зовут. – Вчера получка была. Первая за полгода. Расплюев (того, кто купил "Монтажку" носил ласковую, любовную фамилию – Расцелуев) распорядился долги выплатить. Лучше вор в законе, чем коммуняки! У воров хоть понятие есть. (Ещё не знал, не знал Поляпа-бригадир, чем обернётся жизнь "по понятиям" для всей страны! Не знал и я, шумно голосовавший за предателей русского народа!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.